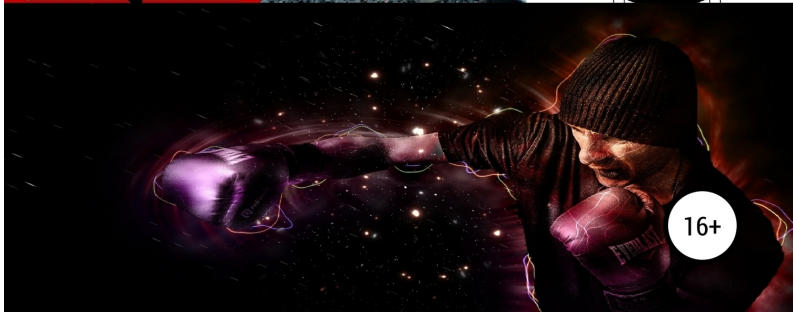

Deni Vrai

"Четыре рассказа"

Deni Vrai

Четыре рассказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38189680

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1717-4

Аннотация

Четыре рассказа собраны в одной обложке, как все мы под одним небом. В ком-то много экспрессии, другой задумчив и рефлексивен, но в целом это жизнь. И жизнь диктует нам свои правила, ставит задачи. Кто-то пройдет этот экзамен, а кто-то, возможно, нет. Одно точно, равнодушным не останется никто. Борцам за чистоту нации от гомосексуализма пожелает спокойной ночи мастер спорта по боксу, а дьявол с радостью поддержит сладкую беседу о прибыли и маркетинге. Маньяк обречен на встречу со старым нацистом. Ну, что ж, у каждого свой экзамен... пожелаем им удачи.

Содержание

В поисках тепла	4
Выгодное предложение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В поисках тепла

Мир летит мимо нас стремительно. Мы лишь пассажиры в бесконечном поезде мироздания. Мы заскакиваем в него, оглядываемся, входим в силу, находим себе место и... часто, ох как часто, едва согревшись и привыкнув, с ужасом признаем, что скоро должны выйти. И успокаивает нас лишь одна призрачная, как все великое, мысль, что нагретое нами место, не будет забыто, что оно послужит кому-то еще, и возможно, если мы не сильно намусорили, то и добрым словом, кто-нибудь нас вспомнит. И мы выходим. А кто-то заходит.

Благодарят ли нас? Кто знает? Да, мы и знаем. Ведь мы занимаем чье-то место, кем-то уже нагретое, кем-то обсиженное и облюбованное. Кто-то уже радовался ему и, возможно, сочинял в уме сонеты. А может, принимал, как данность. Часто ли мы задумываемся об этом? Тревожит ли нас занятое нами место само по себе? Или мы воспринимаем его лишь отправной точкой? Чем-то, с чего можно начать. Начать привыкать, согреваться, жить...

Мороз ударил в город. Навис всей массой тяжелого неба. Тусклое серебро далеких звезд рассыпалось в воздухе. Сотни вспыхнувших точек метнулись в желтом облаке фонарного сияния. Метнулись и замерли, все вместе, в едином порыве.

ве, они подрагивали и кружились. Поднялись вверх и плавно осели обратно.

Резким движением, мужчина сбил с воротника осевшие снежинки. Повел плечом, поежился. На вид, человеку было лет сорок пять, пятьдесят. Круглолицый, щекастый и тяжелый. Малоподвижный взгляд обнаруживал столь же не легкий характер и, по всей видимости, того же веса ответственную, серьезную должность. Человек был высок, крупен, мясист, широк в плечах и движениях.

Состав взвизгнул пронзительно – надрывно. Проектор головного вагона приближался к станции. Яростным напряжением он рвал сгустившийся мрак, пробиваясь сквозь бьющиеся в истерике снежные потоки. Но вся его сила свелась лишь к тому, что он предстал ожидавшим поезда людям подслеповатым, белым пятном на черном фоне. Бессмысленная, ничего не освещающая, круглая, тоскливая лепешка, заляпанная снегом. Но, эта лепешка дарила надежду. Надежду на тепло и уют. Каким бы ни был свет во тьме, он всегда остается светом. Люди на платформе зашевелились. Курившие торопливо вытягивали остатки дыма из сигарет. Говорившие, замолчали. Молчавшие, заговорили.

Вагоны ударялись сцепками, покачивались, тряслись и скрипели. Гулко стонало железо. Но теплый свет, лившийся через окна вагонов, согревал, оживлял усталые, загнанные за день души. Состав остановился. Постоял. Снова дернулся. Взыл пневматическими усилителями и раздвинул двери.

Люди, которых, надо сказать, в этот поздний час было не так уж много, кинулись внутрь. Они словно боялись выпустить даже крупинку нагретого вагонами воздуха. Они давил друг друга и толкали. Хватали за плечи и талии. Направляли и подсаживали. Они штурмовали открытые двери из всех, данных им сил. Они бежали вдоль вагона, все еще следуя рефлексу преодоления. Садись на лавки, вскакивали и бежали дальше. И так продолжалось до тех пор, пока вагоны не качнулись, не дрогнули и не набрали скорость.

Тьма за окнами полетела мимо. Замелькали фонари, окна далеких домов, экраны мониторов контроля посадки. За окном все завертелось, слиплось и померкло. Электричка улетала во тьму, из которой и появилась.

Люди, явившееся из тьмы, едва связь с темным прошлым была разорвана, заметно расслабились. Движения их стали медлительнее, взгляды прозрачнее. Цепкость и ловкость оставила тела. Скаканье с лавки на лавку прекратилось. Люди упивались размеренностью. Когда ехать долго, мелочи перестают интересовать. Мысль начинает работать глобальнее. И как только этот момент наступил, стало ясно, что попасть в вагон не всегда означает – согреться. Чтобы согреться, важно попасть в нужный вагон. Увы, но, найдя нужный вагон, еще одно открытие было неизбежно. Тепла и комфорта на всех не хватает.

В этот главный, теплый вагон люди заходили медленно и даже, словно осторожно. Они оглядывались, оценивали ца-

рящую среди собравшихся атмосферу и настроение и только после этого, степенно шли дальше. Занимали свободные уголки, ставили или вешали на крючки вещи, снова осматривались, в поисках, возможно, не увиденного свободного сидячего места... но сидячих мест не было.

Крупный, тяжелый мужчина вошел в вагон. Он окинул присутствующих властным взглядом. Ни на ком его взгляд не задержался долго. Мужчина был без вещей. Свободными руками он отряхнул куртку и воротник от снега, обстучал ботинки, снял шапку и тоже обстучал о бедро. После этого, двинулся вдоль вагона. Он, по-прежнему не задерживал ни на ком взгляд долго. Внезапно остановился. Огромная ладонь накрыла ручку – поручень с краю скамьи. Мужчина свел брови. Губы его дернулись, едва заметно пожевали сдержанное слово. Разглядывая одного из пассажиров, вымолвил:

– М-да.

Электричка завизжала надрывно и протяжно. Дала два коротких гудка и вагоны влетели в короткий тоннель под широким мостом. Прибавила ходу. Много остановок эта электричка пролетала мимо, не останавливаясь, набрав приличную скорость. Вагоны покачивало изрядно. Стоявшим в удобных местах теплого вагона, приходилось искать дополнительные опорные точки, дабы их не вышвырнуло из уютных углов прямо в проход или, еще чего хуже, кому-нибудь из сидящих на колени. Состав словно дорвался до раздолья,

вырвавшись, наконец, из пут суетливого города. Он слишком долго и часто отдавал дань приличия частым городским платформам, и теперь, стальная душа его рвалась к огромному, непроглядному и черному свету ночной свободы. Как ни швыряло и как бы ни выкручивало руки, державшихся за поручни пассажиров, эта залихватская погоня за будущим не могла их не радовать, наполняя сердца сладкой истомой предвкушения, скорого прибытия к уютному дому. Даже сухая и бесстрастная данность, очевидного факта, невозможности прибытия к дому раньше означенного в расписании, времени, не могла испортить радости ощущения стремительного движения в нужном направлении.

Но не все радовались и наслаждались пролетающими мимо платформами. Случился в этом теплом вагоне человек, которого несколько не беспокоило ни медленное пробирание поезда сквозь город, ни его залихватский свист и прыть среди укрытых ночной мглой лесов и полей. Человек этот попросту спал. Припав головой к острому углу, где сходятся окно со стеной, пропустив руки между колен, неестественно искривив, расслабленную спину, он распустил пухлые губы, за которыми виднелись погибающие под слоями желто-черного налета зубы, глаза его были закрыты. Он спал безмятежно, искренне и глубоко.

Нет такого поезда, в котором не произошло бы какого-то курьеза или случая. И уж точно, нет такого случая, который не мог бы вырасти в историю. Там, где есть люди, всегда есть

место курьезам, случаям и историям. Большим или маленьким, серьезным и не очень, забавным ли, трагичным, место найдется всегда. Где есть человек, там будет и история.

Спавший у окна человек, так же как и любой другой, имел свою историю. Окажись рядом историк, он бы не счел историю этого человека важной. Ведь, как и все ученые, историк предан лишь великому...

Но, в спавшем человеке, великого не наблюдалось. На нем наблюдалась грязная, белая куртка, черные, не по размеру широкие штаны, серый, растянутый, вязаный свитер выглядывал из-под куртки.

Если присмотреться внимательнее, то несвежее лицо этого человека было интересным. Востроносое, с высоким лбом, окаймленным слипшимися вихрами... Но... к нему никто не присматривался. Хотя, надо отдать должное, и вниманием никто не обходил.

Человек этот ехал в вагоне дольше всех. Его можно назвать старожилом уютного оазиса среди зимней мглы и холода. Он вошел еще в Москве. Вошел в пустой вагон. До отправления оставалось минут двадцать, когда человек занял самую крайнюю, самую неудобную лавку на два места. Он долго искал позу, умачиваясь на двойном сидении, подтягивая ноги и пряча голову в отворот свитера. Таким его и нашли первые пассажиры. Тепло вагона дарило не только сладкие сны, но отогревало промерзшую одежду и белье, выгоняло из них дух звонкого мороза и возвращало родной, обыч-

ный, естественный дух.

Людей становилось все больше. Они наполняли вагон постоянно. Кто-то заходил прямо со станции, кто-то мигрировал из других, менее теплых вагонов. Уже через пару остановок, вагон был заполнен наполовину. На дальнюю от спящего человека половину. Но жизнь неумолима и суть вещей неизбежна. Люди прибывали, и вагон наполнялся все больше. Очень скоро две трети вагона было занято. Социум надвигался на спящего, как гроза наплывает на мирный, солнечный город.

Последнее купе, держалось дольше всех. Даже скамью напротив спящего не занимали. Люди оставались стоять. Переглядывались, поджимали губы, но не садились. Это продолжалось, пока одна женщина, не заметив общего отчуждения, не плюхнулась на скамью и, расставив у ног сумки, не вздохнула облегченно, ослабила повязанный на маленькую голову платок. Похожая на рыночную торговку, она, глянув на спящего, принялась возиться в своих сумках и авоськах.

Женщина была маленькая, кряжистая, с короткими, сильными руками. Мелкие глазки и маленький ноздрястый носик-картошинка. Она устала, вошла и села. Это чувствовалось. Даже было заметно, что она села стремительно, стараясь успеть, пока не заняли.

Все еще скованно и не решительно, рядом подсел мужчина, а затем, уже быстрее и проворнее, уселась еще одна женщина. Статус-кво был нарушен. И не прошло пары минут,

как спящего толкнули и предложили занять одно место. Удивительно легко он проснулся, попытался подобрать ноги, затем, оценив бессмысленность этих попыток сел, ни на кого не глядя, придвинулся ближе к окну и вновь закрыл глаза. На последнее сидячее место сел крепкий парень, лет тридцати. Сел брезгливо, и немного наискось. Достал книгу и стал внимательно вчитываться.

А электричка, тем временем дальше пробиралась вдоль косых бетонных заборов отгораживающих опасные железнодорожные пути от безопасных, погружающихся в вечерний сумрак городских улиц. Электричка останавливалась, собирала запоздалых попутчиков, закрывала двери и уползала дальше. С очередной платформы она подобрала крупного, тяжелого мужчину.

– М-да, – произнес мужчина, и это означало, что он принял решение, и это решение будет исполнено. Он обвел взглядом людей сидящих в купе. Женщина в платке вязала, мужчина сидевший рядом то прикрывал, то открывал глаза. Он был худ и бледен, как и все, кто предпочел армии институт или чего еще хуже, какую-нибудь бестолковую и безболезненную болезнь. Женщина на краю лавки, немного взъерошенная, с острым носом и темными слегка хищными и неестественно темными на полном, розовом лице глазами, недовольно косилась на спящего человека. Сидевший рядом с человеком, крепкий мужичок, скуластый и серьезный, сдвигал брови и играл желваками, тщательно вчитыва-

ясь в текст книги.

– М-да, – отчетливее и ярче промычал возвышавшийся над всей этой неправильной картиной мужчина. Помолчав и оценив, что на него и глаз никто не поднял, тот отчеканил решительное:

– Так.

Он протиснулся между ног сидящих, нагнулся к спящему и не вежливо тряхнул того за плечо.

– Эй, але, – прогрохотал, глубоко и решительно мужчина, – подъем!

Спящий проснулся. Осоловелые глаза долго моргали собирая плывущий мир в единую картину, взгляд был направлен в нужном направлении. Разбуженный смотрел на возвышающуюся над ним плотную, огромную фигуру мужчины.

– Подъем, давай отсюда, – коротко и, привычно ультимативно, скомандовал мужчина. – Катись отсюда, дышать нечем.

Разбуженный молчал и затравленно, искоса смотрел на мужчину.

– Плохо слышишь? – голос мужчины гремел на весь вагон.

Счастливый человек, кто родился с таким голосом. Его невозможно создать или выучить, как песню. Его невозможно изобразить. Его можно либо иметь, либо слышать. Слышать и подчиняться. Густой, наполненный мощью, выливающийся из широкой глотки, как вопль сотен голосов, командных, уверенных, крушащих все на своем пути труб Иерихо-

на. Тяжелый и уверенный, как и его владелец, такой голос не знает возражений.

Женщина в платке перестала вязать. Бледный мужчина разлепил глаза. Читавший поднял голову и посмотрел через плечо на разбуженного. Тот же, коротко обведя мутными глазами собравшихся, уставился в окно.

– Вставай, – приподнял голос, требовательный, огромный мужчина, отчего уши могло заложить у стоявших и сидевших поблизости. Снабжая для ясности свой голос еще и яростным взглядом, забыв про очевидную для ситуации брезгливость, он потянулся и рванул разбуженного за грязный лацкан и тот, как перо в руках гиганта, оказался на ногах. – Давай отсюда, – мужчина кивнул на дверь, ведущую в тамбур.

И разбуженный, как-то нервно дернувшись, как-то, не ясно кинув глазами вверх, а потом вниз, скривив свой губастый рот, ловко прошмыгнул мимо агрессора и легко и быстро оказался левее от дверей, в углу вагона, откуда и взирал на громадного мужчину затравленно и зло.

Мужчина же взгляда, направленного на него не видел. Он был занят разговором с соседями изгнанного из купе человека. Разведя своими огромными ручищами, он удивленно пожимал плечами.

– Как вы терпите? – недоумевал, агрессор, уже пробираясь, к освободившемуся месту. – Так будет сидеть и вонять, а вы будете нюхать.

– Настоящих мужчин нет, – тихо улыбнулась женщина с маленькими темными глазами и поправила волосы, стараясь ловко прибрать взъерошенность, – кто должен выгонять таких, мы, женщины?

– Да, как нет, – продолжал недоумевать избавитель, умащиваясь на сидении, отчего, читавшему книгу, пришлось сдвинуться почти на самый край двухместной скамейки. – Просто привыкли терпеть, вот и все.

– Я думал, задохнусь, – вставил свою реплику бледный, – ну а что, бить его что ли?

– Зачем бить, – громадный приподнял маленькие палевые бровки, – вытряхнуть его. Что мы дышать должны этим, что ли?

– Убивать этих тварей надо, – внезапно, не отрывая глаз от книги, выдал читающий.

– У каждого своя судьба, – вдруг ни к селу, ни к городу, сказала женщина в платке и принялась за прерванное вязание.

– Судьба, – недовольно хмыкнул гигант, – пусть его судьба в тамбуре воняет.

– Сильный мужчина, мечта любой женщины, – так же не совсем по теме, сообщила женщина с черными глазами. В ответ на это замечание, мужчина лишь смущенно кашлянул. А читавший приподнял глаза.

– Судьба, – покатал слово бледный мужчина, словно смакуя и размышляя глотать его или выплюнуть. И, вдруг,

неожиданно громко, смутив даже самого себя, провозгласил:

– А судьба-то воняет не в тамбуре, а все еще тут. – Он ткнул пальцем в угол, где притаился изгнанный носитель пахучей судьбы, решивший, видимо, что судьбе уютнее пахнуть в теплом вагоне, а не в холодном тамбуре.

Все посмотрели в направлении тонкого, белого пальца. Громадный мужчина, кинул через плечо:

– Я сказал, вон из вагона! Я тебе сейчас голову оторву!

Мужчина не видел и не почувствовал, повисшей тишины в вагоне, и не увидел заинтересованных взглядов женщины в платке и остроносой. Он не оценил прилившей к щекам бледного еще большей бледности, и даже какой-то серости. Замолкло и оцепенело ни одно купе, а весь вагон. Что-то необычное, не такое как всегда или как должно быть, происходило за спиной гиганта. Что-то, что не укладывалось в обычную, и привычную всем картину окружающего мира. И это влекло, захватывало и пугало одновременно.

Загнанный, безропотно собирающий плевки и удары судьбы, погибший, забытый и опустившийся человек, привычно лишаемый и обираемый. Бессловесный и безголосый. Бессоветный и грязный, возвращался.

Он шел не нервно и не юрко. В его движениях не было ничего нового. Шел медленно, чуть прихрамывал. Не торопился, не старался выглядеть, как-то по особенному. Он медленно подошел к купе и так же медленно и слабо, как весь он, как вся его суть, сказал:

– Отрывай.

Гигант перевел на него взгляд, но не нашелся что сказать.

– Отрывай голову.

Женщина в платке прекратила вязать и уронила руки.

Бледный коротко глянул на мужчину, опустил глаза ниже, искоса посмотрел на мужчину читавшего книгу и уронил голову, о чем-то задумавшись. Читавший, опустил локтями на колени и стал вчитываться еще яростнее и внимательнее. Над вагоном повисла такая тишина, что можно было слышать, как бьются сердца, как булькают пустые желудки, как тикают чьи-то ручные часы. Создалось впечатление, что даже колеса вагона стали стучать тише, стараясь не выделяться из общего замершего состояния.

– Отрывай, – повторил неумытый человек.

Громадный повел плечом, склонил голову. Вряд ли он делал столько движений и жестикуляций хоть в одном разговоре за всю свою жизнь. Он поднял и развел руки, вновь покачал головой и даже... чего никогда не позволял себе прежде, огляделся ища ни то поддержки, ни то подсказки. Но взгляд его натыкался на пустые, бесполезные лица занятых своими делами людей. Очень тихо занятых своими делами.

– Отрывай, – настаивал слабый и грязный субъект, – можем выйти на станции, там оторвешь.

Мужчина смотрел на собеседника внимательно, пристально. Несколько раз его губы дрогнули, но слова не сходили с них. Слова, которые всегда давали результат, рушили

преграды и подавляли волю, никак не желали обрушиваться на этого тщедушного человечка. Да что слова, если прямой взгляд уперся в такой же прямой взгляд светлых, почти прозрачных, блестящих в желтоватом свете вагонных ламп, белым, пронзительным огнем глаз. Мужчина проглотил, невесть откуда взявшийся в горле огромный и несъедобный ком. Закашлялся нервно и по-детски тонко. Опустил глаза на руки. Но, в руках не было книги, в которую можно было бы погрузиться, не было шерсти, которую можно было бы вязать. Руки были пусты, круглы и волосаты. Долго смотреть на свои руки глупо. Мужчина понимал это, но продолжал смотреть на них внимательно.

– Отрывай, почему не отрываешь? – мерзкий тип не исчез, хотя в это хотелось бы верить. Сам он исчезать не собирался. А в ухо ему двинуть было так просто. Это было просто до безобразия. Это было очевидно просто. Вагон ждал развязки. Мужчина решительно поднял голову, открыл рот... глаза уткнулись в тот же прямой блестящий взгляд, прозрачных глаз.

– Я просто попросил вас выйти из вагона, – не узнав своего голоса, произнес мужчина. Он не знал ни этого голоса, ни этих слов. Он не узнавал себя. Опустил голову и стал выковыривать что-то из-под чистого ногтя.

– Сказал, оторвешь голову. Сказал, что убьешь меня. Убивай. – Человек не повышал голос. Он даже тверже его не делал. Он вообще ничего не делал. В его голосе было что-то

заискивающее. То, что въелось так глубоко, что уже невозможно избавиться. Сам голос и не имел значения. В нем было большее, чем нотки, сила или интонация. В нем была пустота. Абсолютная, черная как мир за окном, холодная, как тот тамбур, в который его изгоняли. Безликая и мрачная, как все, чего мы не знаем.

– Поймите, – громадный мужчина уже не казался таким громадным. Он осел, втянулся, обмяк. Он крутил головой, понимая, что все это он не планировал, но надо было объяснить. – Я не то имел в виду... я не хотел... просто... пойми... те...

– Я понимаю, – тихо сказал человек, привычно опустил глаза, ссутулил плечи и, прихрамывая, побрел прочь из теплого вагона.

Выгодное предложение

Машина медленно вплыла на территорию церкви, повернула налево, качнулась на вспученной от напирających снизу сорняков асфальтовой кочке, свернула за угол церкви, подкатила к самым дверям, остановилась. Двигатель стих, щелкнул остывающий под капотом металл.

Открылась дверь водителя, и священник вышел на дорожку. Он не стал закрывать дверь, глубоко вздохнул, сделал первый шаг к высоким резным дверям, остановился, постоял, глядя себе под ноги, поднял голову. Вытянув губы, он некоторое время смотрел на двери, на две бетонные колонны навеса над папертью, стал поднимать голову выше. Он не мог посмотреть на купола, для этого надо было податься назад, именно в этот момент, когда требовалось дополнительное движение, он замер, перестал поднимать голову. До блистающих желтым огнем крестов, взгляд его так и не добрался, священник вновь опустил голову, сделал еще один глубокий вдох, вытянул губы еще сильнее и шумно выпустил воздух.

В одну секунду он подобрался, слегка тряхнул плечами и сделал шаг к дверям церкви. Он сделал этот шаг быстро, почти стремительно, надо было сделать еще один такой же, затем еще и походка стала бы решительной, однако следующий

шаг он сделал медленнее предыдущего, а еще один и вовсе тяжело и увесисто, всем телом перевалившись с ноги на ногу.

В притворе его походка приобрела ритм, и теперь он двигался равномерно, но раскачиваясь и размахивая руками.

– День добрый, батюшка, – торопливо поздоровалась прислужница, стоящая у прилавка со свечами.

– Добрый день, матушка, – ответил священник и прибавил шагу. Он не стал поворачивать головы, миновал среднюю часть, направился в ризницу.

Не сбавляя скорости, повалился в кресло, отчего, то скрипнуло и рвано грохнуло деревянными витыми ножками по полу. Священник откинул голову, закрыл глаза, лицо его совершенно расслабилось. Так сидел он долгое время, никто его не тревожил, никто не звал. Прислужники знали, если он задержался в ризнице, то его лучше не беспокоить. Даже если искать кто-то будет, надо сказать, что его нет.

Поднял одну руку, нащупал наперсный крест, погладил его, из горла послышался сдавленное гудение. Погудев, открыл глаза, подался вперед. Пошевелил губами, хлопнул себя по коленям. Сделав сильное движение вперед, оторвал тело от кресла, но тут же опустил обратно. Не давая отшатнуться корпусу, вновь подался вперед, одновременно толкнул руками колени и поднялся на ноги. Сделав два шага, подошел к висящей в углу иконе богородицы, трижды перекрестился, толкнул икону, и она тихо отъехала в сторону. Обернулся на дверь, когда повернул голову обратно, на том месте,

где была икона, теперь красовалась массивная дверь сейфа. Судорожно набрал код, открыл дверцу и нервно достал зеленую пачку денежных купюр. Поднес к лицу, вновь кинул взгляд на дверь, положил деньги обратно, прикрыл дверцу сейфа, свел брови. Запер сейф, вернул икону на место, развернулся и пошел к двери. Выйдя из алтаря, осмотрел помещение.

Взгляд его остановился на прилавке, затем медленно проплыл по всему помещению и замер на человеке, стоящем у иконостаса. Человек смотрел очень внимательно и священника не видел. Он стоял далеко справа, поэтому и священник не заметил его сразу. Сейчас же он смотрел на человека неотрывно.

Человек был среднего роста, чуть ниже, стройный, одет в зауженный пиджак и легкие брюки, рубашка с воротником стойкой расстегнута на три пуговицы. Лицо мужчины имел аккуратное, ухоженная щетина, прямой чуть длинноватый нос, светлые, почти прозрачные глаза широко открыты. Волосы не длинные, но и не слишком короткие, слегка выющиеся к концам красиво и естественно закинута набок. От одного образа к другому мужчина переходил неспешно, но и этого было достаточно, чтобы стала заметна легкая хромота.

– День добрый, – поздоровался священник.

– Добрый, батюшка, – отозвался гость, не поворачивая головы. – Очень добрый день.

Некоторое время стояла полная тишина. Священник

вновь посмотрел на свечной прилавок.

– Ушла помощница ваша, – вдруг сказал гость и перешел к следующей иконе, – дверку в вашей машине прикрыла и ушла.

Священник повернул голову к мужчине, постояв некоторое время неподвижно, отвернулся и пошел к выходу. По пути не встретив никого из помощников, вышел через дверь на паперть, покрутил головой. Но сколько не напрягал зрение, не мог различить ни единой фигуры. Особенно долго он всматривался в дверь подсобки, дверь была приоткрыта, перед дверью валялись грабельки, молоток, бликующий в лучах заходящего солнца, еще некоторые инструменты и больше ничего. Священник шумно вздохнул, развернулся и пошел обратно. В средней части он остановился, скрестил пальцы и стал рассматривать иконостас, краем глаза наблюдая за мужчиной. Тот в свою очередь переходил от одной иконы к следующей. Остановившись перед изображением тайной вечери, покачал головой и сказал:

– Эх.

Священник проследил взгляд мужчины, скривил рот.

– А вы знаете, у мусульман запрещено изображать бога и людей тоже нельзя. Они боятся, что изображение может получиться лучше оригинала, а это грех.

– Бога невозможно изобразить лучше, чем он есть, – наставительно поправил священник.

Мужчина обернулся и всплеснул руками. Он приоткрыл

рот, было слышно, как он шумно вдохнул воздух. Затем он качнул головой, закрыл рот, вновь открыл, и замахал руками.

– Конечно, невозможно, – радостно воскликнул гость, – конечно! Но, – он особенно выделил это «но» и замолчал, свел впереди руки, оттопырив вверх оба указательных пальца, – но, зато его можно изобразить хуже, чем он есть.

– Так говорить, – покачал головой священник, – не надо.

– Не надо, – согласился мужчина, – говорить не надо.

Оба помолчали. Гость смотрел на священника ясным, радостным взглядом. Глаза его были столь светлы и прозрачны, что казалось они слепые. В то же время в них таилась странная выразительность. Священник подробно рассмотрел этого человека, и нашел его приятным и даже обаятельным. Хоть человек и вел себя странно, это не вызвало в священнике недовольства.

– Вас привело сюда, – священник помолчал, ожидая, что мужчина продолжит его фразу, но тот не продолжил, радостно смотря своими прозрачными глазами на облаченного в рясу священника. Священник сказал: – хотели помянуть кого-то?

– Кого? – Не понял мужчина.

Этот вопрос поставил священника в тупик. Он решил подойти с другой стороны:

– Проездом у нас?

– А, – тут мужчина оживленно закивал и даже махнул ру-

кой, показывая, что догадка священника очень точна, — да, я проездом. По работе. Работа тут у меня.

— Тут?

— Да, тут, в деревне, той, что за лесом. Вот, у родника которя.

— Малая Лютень.

— Вот, точно.

— Что же там за работа? — Удивился священник, но тут же и замолчал, понимая, что позволяет вовлечь себя в ненужный разговор.

— Работа обычная. Как бы рядовая. Человека надо одного погубить.

— Что? — Священник свел брови и несколько подался вперед, будто прислушиваясь.

— Работа у меня людей губить, как и у вас батюшка. Знаете, убийства, взрывы, разные такие вещи.

— Господь с вами...

— Нет, он не с нами, — отмахнулся мужчина, — он даже, некоторым образом против нас.

— Вы воевали? — Спросил священник.

— Воюю, — кивнул мужчина, — вот с этими, как эта ваша Мария Николаевна. Которая живет там, в доме с резными наличниками. Синенький такой. Крыша еще течет. Она еще иконку вам принесла давеча. В дар церкви. Помните?

— С Марьей Николаевной воюете?

— С ней, — вздохнул мужчина, — с ней, проклятой. Препро-

тивная бабка, скажу я вам. Не работа, а мучение с такими.

– И как же вы с ней воюете? – священник продолжал смотреть на мужчину, кивал головой, сам же сделал второй уже шаг вправо, так вроде он просто переносил вес с ноги на ногу, но постепенно продвигался по окружности к алтарю.

– А, и не спрашивайте, дорогой батюшка. Даже и не спрашивайте. Я ж тут у вас уже сколько кругами хожу. Страшно вспомнить.

– А что вы говорите, она сказала вам про икону?

– Икону то? – Мужчина пожал плечами. – Да она мне ничего не говорила. Как же она мне скажет, если я с ней не разговаривал?

– А откуда вы знаете, что она подарила икону церкви? Почему вы так решили?

– Я не решал, – веселый блеск светлых глаз стал менее ярким, мужчина заговорил тише, доверительнее: – Иконку вы продали правильно. Хорошо, что продали. Иконка эта, она из церкви, которая тут раньше была.

– Но...

– Из нее, из нее, – перебил мужчина, – она самая, тутошняя. С ней священник, который здесь раньше служил, отпевал солдат погибших и благословлял живых. Неофициально, конечно. Но ОН, – мужчина заговорил еще тише, – ОН его слышал. Она защитная. Самые противные эти защитные. Вы батюшка правильно сделали, что продали. Беды бы с ней натерпелись, уж вы мне поверьте.

– Давайте начнем с того, что я ничего, никуда не продавал, – священник проделал уже половину задуманного пути до иконостаса, оставалось несколько шагов, – это ваши личные домыслы, или этой старухи из ума выжившей. Я даже не понимаю, о чем вы говорите. И вообще храм закрыт, службы не ведутся. Если вы хотите поставить свечку или помянуть кого-то, то... – священник отвернулся и зашагал быстрым шагом к алтарю, продолжая говорить: – если вы лицо официальное, то сообщите мне причину своего визита...

Мужчина, молча проводил взглядом священника, покачал головой, отвернулся, прогулялся по церкви. Остановился у кандило. Там было лишь три свечи. Мужчина внимательно смотрел на них, он даже опустил плечи и приблизил голову, всматриваясь. В этот момент появился священник, в руке которого был телефон. Мужчина услышал появления священника, но головы не повернул, заговорил, продолжая изучать свечи. Ни одна из которых в этот момент не горела.

– Что означают свечи? – Спросил мужчина. – Почему вы ставите свечи?

– Это символ веры, – ответил священник.

– Как это символ веры?

– Вы верите в бога? – Ответил вопросом на вопрос священник.

– Да, как не печально...

– Печально?

– Я вынужден признать этот факт, хотя он меня не раду-

ет, – в этот момент мужчина отстранил голову от свечей и те разом вспыхнули. Язычки пламени ярко засветились, вытянулись, затем огонь стал тише, пожелтел и успокоился, колеблясь вокруг фитиля. – Свечи должны гореть, – заключил мужчина и повернул голову к священнику. Тот же неотрывно смотрел на свечи. Его мясистое лицо замерло, нижняя губа отвалилась вперед и опустилась, приоткрыв рот.

Мужчина некоторое время смотрел на священника, затем осмотрелся и все остальные свечи в храме, как и эти три за- мерцали огнем.

– Как вы это... – хрипло поинтересовался священник.

– Фокус, – спокойно ответил мужчина.

– Очень впечатляет, – только и вымолвил священник.

– Да, я знаю. Мне нравится впечатлять. Это... – он вдруг замолчал, поднял руку, несколько раз щелкнул пальцами, – это маркетинг. Процесс продвижения продукта с целью получения выгоды, – усмехнулся мужчина, отчего глаза его за- блистали холодной пустотой, – продвигаю товар.

– К-какой товар вы продвигаете?

– Тот же что и вы, батюшка – веру. – Мужчина развел руки в стороны, несколько отшатнулся и смотрел на священника удивленно. – Какой же еще товар можно продвигать?

– Кто вы? – Спросил священник, цепляясь обеими руками за наперсный крест. – Если эти фокусы... если вы тут... что вам надо?

– Батюшка, – как ни в чем не бывало, продолжал мужчи-

на, – мне помощь ваша нужна.

– Благословить?..

– Нет, нет, что вы, – мужчина отмахнулся, но тут лицо его замерло, живость мышц вокруг глаз затихла, разгладились веселые морщинки, – а впрочем, да, вы правы. Именно благословить, – он в очередной раз всплеснул руками, – какое точно слово. Именно благословить.

– Благословляю, – священник торопливо кинул крестное знамение в сторону странного гостя, – иди с миром.

– Не совсем так, – покачал головой гость, – я имел в виду, что хотел бы вас благословить. У меня дельце к вам есть. Оно совсем маленькое, почти незаметное. Ерунда дельце. Не дельце даже, сущая безделица. Но, – и тут он развел руки, показывая свою полную беспомощность, для усиления эффекта даже пожал плечами и склонил голову набок, – это дельце можете сделать только вы.

– Хочу, чтобы вы знали, что сюда уже едет полиция и моя личная охрана, – вдруг сообщил священник и, подняв руку с телефоном, махнул в сторону дверей.

– Верту? – спросил мужчина

– Что?

Он не стал уточнять, давая священнику проследить свой взгляд. Когда тот понял о чем идет речь, то уронил руку с телефоном и спрятал ее за спину.

– Хорошая вещь, – мужчина кивнул, опустил голову. Некоторое время смотрел на кончики носков ботинок. Затем

поднял голову вновь, лицо его было спокойно, глаза не блистали, пара морщинок вокруг них осталась, но они не делали глаза смеющимися, как это было раньше, теперь они походили на следы частых и подолгу задерживаемых на лице гримас напряжения или чего-то подобного. Очень похожие на морщинки смеха, но не прямые, а загнутые вверх. Глаза стали пустыми, бездонными. Мужчина скривил рот, потянул губы вправо, затем набок влево, приподнял брови и сказал: – У меня есть для вас предложение, батюшка.

– Меня не интересует ваше предложение. Повторяю, сюда уже едет полиция, глава администрации мой хороший знакомый, я лично знаю главу региона, да я у президента...

– Не беспокойтесь, – мужчина едва приподнял пальцы, опущенных вдоль тела рук, прогнул ладони, – не беспокойтесь батюшка, нам никто не помешает.

За стеной храма было слышно, как шквально ударил ветер в стену, заскрежетал металл куполов и крепежных тросов, за окнами вмиг стемнело, сумрак навалился на сырое, прохладное помещение храма. Священник глянул на потемневшие окна, перевел взгляд на двери, одна из которых прикрывалась не до конца, и в этот момент она закрылась. До конца. Закрылась с таким грохотом, что дрогнули стекла, что-то упало за свечным прилавком, под сводами вновь заскрежетало, напряглось.

– Присаживайтесь, – пригласил мужчина, указав рукой за спину священнику. Тот обернулся, и увидел, что у самых

ног его стоит любимое кресло. Он нервно повернул голову обратно, гость плавным движением правой руки, повторил приглашение: – Присаживайтесь, святой отец, не стесняйтесь. Здесь все свои.

Священник начал садиться, но застыл в одной позе, повалился в кресло и так замер, не шевелясь. За окнами стало совсем темно, но в зале темнее не становилось. Чем чернее становились окна, тем ярче разгорались свечи. Священнику показалось, что вдали запел хор, но это было странно, и он решил, что от удивления и общего напряжения ему это почудилось.

– Так вот, – мужчина продолжал, – я все про икону эту. Видите ли, мой хороший, тут ведь не все просто. – Он осекся, скривил одну сторону лица. – Икона продана, это очень хорошо. Она будет в частной коллекции. Это коллекция очень хорошего, состоятельного человека, я его давно знаю, тут все, поверьте мне в порядке. Тут все надежно. Но бабка, это проблема.

– Какая проблема?

– Очень серьезная. – Мужчина поднял правую руку и стал водить в воздухе длинным, тонким пальцем. – Вот если бы она забыла, если бы не помнила. Но она пожаловаться может. Может письмо написать, может полицию вызвать. Да, ведь она уже жаловалась на вас батюшка, – сказав это, мужчина остановил взгляд своих прозрачных глаз на священнике, – жаловалась ведь?

– Ж... – священник поперхнулся, но подавил спазм и ответил: – жаловалась.

– До Архиеерея дошла. А ведь жаловалась только из-за безделицы какой-то. Не так ведете вы себя, с ремонтом церкви тянете, за похороны втридорога дерете, отпевание, крестины, венчание, свое производство свечное имеется. Очень уж противная старуха.

– Да, – со вздохом промолвил священник и сам вздрогнул. Он не собирался ничего говорить. Он еще не разобрался с этим фокусником до конца, чтобы поддакивать ему. Но больно уж сладко льется голос этого странного человека, мягкий, мелодичный, как хор, который слышался вначале.

– Да, – точно копируя интонацию священника, повторил мужчина, – получается надо ее убить.

Повисла тишина. Священник смотрел на гостя, и раз за разом в голове прокатывалась последняя прозвучавшая фраза. Гость же свел руки и ковырял ногти, вид он в этот момент имел столь непринужденный, что казалось, последняя фраза принадлежала не ему.

– Убить? – Переспросил священник после продолжительного молчания.

– Убить, убить, – повторил мужчина, – что же с ней еще делать. Отравить или дом поджечь.

– Вы наемный убийца?

– Я?! – Воскликнул мужчина и кинул на священника удивленный взгляд, однако глаза его при этом, оставались спо-

койны. Они даже не смеялись. Они были холодны. – Да как вы могли подумать такое?

– Ну, просто, – священник стушевался, – я просто... мне как-то... показалось... я думал, что вы сказали – «убить».

– Убить, конечно, убить. Но это же не значит, что я убийца.

– Ну а кто же... – тихий голос священника стал еще тише, появилось присвистывание. – Кто же... вы же... я же...

– Я кто? – Мужчина растянул рот, уголки губ ушли вниз. Брови приподнялись. – Кто я? – Голос его звучал не громко, но в нем больше не было музыки, теперь он лился подобно лаве, не шумной, но гнетуще тяжелой, – как же это, кто я? Я черт.

Священник приоткрыл рот, но вместо слов послышалось лишь слабое гудение и присвист.

– Батюшка, вы прекрасно знаете, кто я. Вы это поняли сразу, когда меня увидели. Меня удивляет, зачем вы уже битый час пытаетесь придумывать какие-то аналогии. То вы думаете, что я проезжал мимо, то, что я фокусник, то, что я из полиции, то, что я из ФСБ, потом подумали, что конкурент, потом, что сотрудник Интерпола. Да я не возьмусь перечислить все, что побывало в вашей голове. И все это вместо того, чтобы признать очевидное – я черт.

– Ч... р... тей, – вытолкнул из сухого горла священник, – не быва... – последний слог сорвался с языка и обвалился обратно в горло, отчего священник шумно сглотнул и попы-

тался облизать сухие губы.

Мужчина в ответ лишь мягко улыбнулся, приподнял подбородок и с явным удовольствием произнес:

– Черт, прошу любить и жаловать.

Несколько минут царила полная тишина. Было слышно, как трещат свечи, временами налетали порывы ветра, металась и стонала непогода за стенами, но саму церковь не атаковала, лишь иногда скрипели крепежи крестов.

– И... – вырвалось с длинным сиплым стоном из горла священника.

Черт свел брови, несколько подал вперед голову, прислушиваясь.

– И-и... – громче и тоскливее свистнуло горло священника.

– И?

– И-изыди...

– О-у, – черт вновь отстранил голову, смотрел на священника спокойно. Едва мышцы расслабились, лицо растеклось, обвисло. Сейчас он уже не выглядел молодым, обаятельным человеком, скорее усталым стариком с пустым, слепым взглядом.

– Чур, меня.

Черт поморщился, закатил глаза и отвернулся к окну.

– Прочь, нечистый...

Зевнул.

– Вот бог, а вот порог.

Скривил рот, покачал головой.

Священник попытался подняться с кресла, он качнул телом, еще, и еще, но тело его осталось в той же позе. Гримаса сильнейшего напряжения появилась на пухлом лице, он даже прикусил губу, но не заметил этого, пальцы его впились в подлокотники, он дергал головой, плечами, но ни на миллиметр не оторвал свое тело от мягкого, кожаного кресла. Откинулся обратно и, тяжело задышав, произнес, особенно налегая на последние слоги:

– Боже великий, рода человеческого, избави от нечистых, повеливай нечистым бежать. Да очищен быв диавольскаго, преподобнаго, праведнаго, и всякаго, сподобляйся, еси, и препрославяйся, и во веки веком... веков... Аминь.

Черт медленно повернул голову, губы его тронула кривая усмешка, он приподнял одну ладонь, покачал ею из стороны в сторону. От улыбки лицо вновь помолодело. Священник смотрел в лицо своего противника, тяжело дышал, опускал и поднимал голову, вновь устремлял взор в сторону насмешливого взгляда. Ворот и плечи намокли. Он чувствовал, как по длинной складке вокруг живота капля за каплей стекает пот. Жар от свечей был нестерпим. Но священник не сдавался. Он смотрел на черта, он ловил признаки паники, любой мелочи, которая подарила бы надежду. Но, черт лишь ухмылялся. Священник стиснул зубы, несколько раз глубоко вздохнул и произнес:

– Эксорцизамус, омнис иммундус... омнис... сатаника...

– он метнул взгляд вправо, затем влево, словно ища поддержки, помощи, – омнис... – задумался, – омнис... ностри сатаника потэстас! – Он почти кричал, он не снабжал льющийся из горла воздух словами, он его выкидывал с давлением, с силой, с неистовством. Последние слова он практически прокричал... Когда возникшие от избытка напряжения круги пред глазами растаяли, священнику открылась картина произведенного эффекта от молитвы папы Льва тринадцатого... Это была не та картина, которую ждал увидеть священник. Не было в этой картине зеленых рвотных масс у ног черта, не было воплей и проклятий, не было искаженного мукой лица. Священник ожидал увидеть судороги, бьющегося в агонии тела... судороги действительно были, но не агонии. Черта скручивало от смеха. Он буквально держался за живот. С усилием выставляя вперед руку, делая останавливающие жесты.

– Стойте, стойте, батюшка, – стонал черт, не в силах сдержать порывы хохота, – прошу, прекратите. Вы ведь действительно кого-нибудь призовете случайно. – С трудом взяв себя в руки и распрямившись, он сказал наставительно: – Такие слова надо произносить очень точно. Они вообще не во рту должны рождаться...

– Изыди, нечистый, – сокрушенно, из последних сил выдохнул священник.

Черт протер ладонью глаза, не теряя веселой улыбки, уронил голову, повернул ее набок, озорно посмотрел на священ-

ника. Снисходительно покачал головой и продолжил:

– Нет причин горячиться. Все не так плохо. Все вообще неплохо.

– Как ты можешь находиться в доме господ нашего? – Спросил священник.

– А почему бы мне в нем не находиться?

– Храм освящен.

– Да, я знаю. Батюшка, вы поверьте, я же вам не враг.

– Тебя не бывает.

– Как так? – Удивился черт. – Вы же сами сказали, что храм освящен, а теперь говорите, что меня не бывает. Зачем же тогда освещать?

– Это невозможно.

– Я бы сказал, редко случается. – Поправил черт. – Но, вот случилось. Не надо переживать, я же по делу пришел, не просто так.

– Какое у тебя может быть до меня дело?

– Крохотное, – лицо черта стало серьезней. Он вновь был исполнен дружелюбия, глаза усмехались, но губы, потеряв улыбку, занимались только произнесением слов: – Бабку, которая иконку отдала надо убить.

– Я не знаю нечего ни про какую иконку.

– Ну вот, снова здорова, давайте уже без этих хождений по кругу.

– Что вам от меня надо? – Спросил священник.

– Говорю же бабушку надо убить.

– Я должен ее убивать?

– А кто?

– Вам надо, вы и убивайте.

Черт сжал губы, покачал головой.

– Я бы с радостью, – сказал он, – но я не могу.

– Что ж так?

– Не могу бабку убить. Не могу.

– Бабок не убиваешь, – попытался произнести с насмешкой священник, но прозвучало пискляво и истерично.

– Да нет, бабок-то, пожалуйста, сколько угодно. Для такого хорошего человека как вы батюшка сотню бабок бы убил. Если хотите всех ваших прислужниц перебыю, вы только скажите. Это всегда пожалуйста. Даже не думайте, обращайтесь. – Черт помолчал, лицо стало задумчивым, он поправил брюки, почесал живот. – Просто я не могу эту бабку. Говорю же, проблема с этой бабкой. Запрещено нам таких бабок убивать. Детей и вот таких вот... этих... в общем, я не могу.

– Девственница она что ли? – Изумленно догадался священник.

– Фу, – черта заметно передернуло, – мерзость. Предлагаю без подробностей.

– И значит, я ее должен убить?

– Да, – черт оживился, – конечно. И чем раньше, тем лучше. Карга только прикидывается дурочкой. Ах, батюшка, возьмите, батюшка, она святая батюшка, я ее хранила, батюшка... тьфу, – черт еще раз дернулся и потряс плечами, –

вот помяните мое слово и дня не пройдет, прибежит сюда проверять, где тут висит ее подарочек, весь такой от чистого сердца. Небось, и подарила только чтобы прибежать проверить. Ну, что не так? Что вы, батюшка, не знаете добрячков этих?

– Знаю...

– И я вам скажу, что будет дальше. Она побежит жаловаться. А икона, это вам не свечное производство, это вам не ритуальная компания. У иконки вотчины нет. У нее хозяина нет, она не земля, на ней не построишь, не похоронишь. А когда хозяина нет, то что?

– Что?

– То все хозяева. К какому следователю попадет, тот и начнет носом землю рыть. С одним договоритесь, с другим, со всеми не договоритесь. Рано или поздно дело раскачают, будет скандал. Все потеряете. И все из-за одной полоумной старухи. А вот если убить ее, то что?

– Что?

– Да ничего, – протянул, словно пропел черт, – ничего. Вообще ничего. Кому она нужна. Ни детей, ни рода, ни племени. Живет на горбу государства, пользы от нее ни государству, ни обществу никакого. Всю жизнь в своем огородке, картошечку копает, да щавель жует. Ну, разве раз в жизни солдатика когда-то водой отпоила. И без воды солдатик не помер бы. Да и с водой помер. Бессмысленная старуха.

– Но, как я ее, – священник потрянул головой, – да как же.

Да нет же. Грех это...

– Никакой это не грех. Что тут грешного?

– Так убить...

– Что? – Черт пожал плечами, подал вперед корпус. – Нет, нет, нет. Тут вы себе просто голову морочите. Тут не о чем думать. Что такое грех, вообще? Ну, вот что это такое?

– Что такое?

– Это лекарство для человека, – нараспев сказал черт, – это зачем было придумано?

– Зачем?

– Ведь человек создан для греха. Человеку в жизни надо не столько хлеба и зрелищ, сколько права все это получать. А значит ему надо, чтобы за его грешки и слабости, кто-то другой нес ответственность. А его чтобы прощали. Ничего ему больше не надо. Хлеб он и сам вырастит. А не вырастит, так украдет. И соседа убьет, чтобы весело было. Вот только сам себя он простить не может. Не дано ему такого права. Потому что если люди сами себя начнут прощать, то получится полный хаос. Тогда и грех грехом быть перестанет. Тогда и не грех это уже будет, а норма жизни. А в результате что получится? Получится, что сам себя человек моментально до скотского состояния сбросит и не выудить его оттуда потом никакими силами. Потому что спасение есть лишь раскаяние. А раскаяться можно только когда есть в чем раскаиваться. Вот и получается, что кто-то должен получать прощение, а кто-то должен прощать. Мы должны помогать по-

лучать прощение. Мы и с грехами поможем и с прощением. А что касается смерти, так она всех ждет, никто не избежит.

– Искушаешь меня, душа твоя черная.

– Не искушаю, а благословляю, – поправил черт, – я же сказал, пришел благословить. Вижу, не решаетесь, но все что говорю, у вас в голове уже зреет, я лишь пришел сказать, что бояться нечего. Ничего дурного в задуманном нет.

– Ты мне зла желаешь, ты всем зла желаешь...

– Нет, – решительно отмахнулся черт, – это заблуждение. Оно от жадных людей. Они это придумали, чтобы на меня кивать за все свои мерзости, а надо не на меня кивать, а идти к священнику, – черт уважительно указал ладонью на батюшку, – и получать прощение. И нести сюда денежки и иконки старинные. А вот самые жадные, им иконок жалко, вот они и валят на чертей ни в чем неповинных всякие гадости. Наговаривают всякие нелепицы. Искушаю, – черт хмыкнул, – и что это за слово такое? Чего бы мне искушать. Искушают ЕГО, когда просят о чудесах. А мне зачем просить, я и сам чудесник еще тот. Нет, это не аргумент. Нерешительность свойственна людям, когда они боятся, что их не простят. Вот только вы подумайте, батюшка, ведь сделать что-то и подумать о том, что хотелось бы сделать, ничем, в сущности, не отличаются. Ведь возжелать женщины уже значит овладеть ею. Алкать денег, уже значит иметь. Чем отличается желание от дела? Да ничем. Либо получилось, либо нет. Надо делать и просить прощения. Каяться и делать, делать и

каяться. И тогда и мера дел будет и счастье достижения. Так создан человек. Слабость не приведет к победе, и к исчезновению греха. Только озлобит и сделает еще слабее, еще жалче и никчемней. Но я бы не пришел к слабому, я всегда прихожу к сильному, потому что слабый для того и существует, чтобы сильный мог грешить и просить прощения. Чтобы жили мы, чтобы был ОН, и все кто поставлен выше людей. Те, кто имеет право отпускать грехи, те, кто греха выше, кто не грешит, а повелевает грешниками и их же этим самым спасает. Так что убить бабушку даже не убийство, а спасение. Это как сор убрать. Ведь эти исто верующие, они кто? Да они самые страшные грешники, они других унижают, своим существованием. Да еще кичатся своей праведностью, на показ ее выставляют. Это гордецы, каких еще поискать. Они грех отторгают, а без греха, как и говорю же я, будет только хаос и тьма. Это они придумали, что нам чертям тьма нужна, вранье это. Тьма им нужна, они людей не любят и презирают. Они показывают, какие они правильные и праведные, а сами хоть бы что-то сделали хорошее для других. Но нет, они только грех отвергают и делают то, что другим не под силу. А это не только гордыня, это еще и чудо. – Черт поднял вверх палец. – Они в отличие от таких как вы, батюшка, и таких как я, себя с НИМ ровняют. А уж тут я и говорить не буду. Я куда ближе к НЕМУ чем они, и то на такую наглость не способен. Одно зло от праведников, одни беды и неудачи. Грешат, но ни каются. Оправдывают возможность жизни без

покаяния. Без греха. А значит и без НЕГО.

Черт закончил свой монолог и смотрел на священника с воодушевлением. Он искал глаза священника, которые тот опустил в пол, смотрел на его временами вздрагивающие щеки, на его поперечными складками покрытую шею. Он смотрел с удовольствием, кривая усмешка обнажила ряд ровных белых зубов. Чуть сведенные и приподнятые брови, ясный светлый взгляд был устремлен на замершего, уставившегося на собственные колени священника. Черт наклонил голову, глаза еще сузились, он заметил, что губы священника шевелятся. Он наклонился вперед, всматриваясь еще внимательнее. Сомнений не было, священник бубнил что-то методично и стройно, выдавая слово за словом.

Когда священник поднял голову, черт уже был рядом. За окнами ударила шквальная гроза, вылетели стекла, по залу понесся ветер, но не было запаха чистого озона, не было запаха дождевой свежести. Только смрадное дыхание отвратительной рожи, смотрящей в глаза священнику двумя огненными зрачками. Черт раскрыл рот, грязные, желтые, уходящие в черноту зубы заскрежетали. С купола церкви сорвало крест, было слышно, как он дважды ударился о крышу и после некоторого времени грохнул по припаркованной у входа машине, взвыла сигнализация. Священник смотрел в два горящих ярким красным пламенем глаза и продолжал говорить, но теперь уже слышно, громко, во весь голос, перебивая раскаты молний и стремительную, сокрушающую его

новую церковь бурю:

– Пэр христум доминум нострум. Амэн! – Закончил молитву священник, текст которой прочел когда-то давно один раз и не помнил ее до сего дня. Не помнил и не пытался вспомнить. Но сейчас он произнес ее без единой ошибки, без единой неточной интонации, так как и положено произносить такие слова.

Перекосило и без того уродливую морду черта. Скривило и выкрутило. Рот раскрылся еще сильнее, щелкнули зубы. И в этот момент пиджак его лопнул, высвобождая огромные, черные крылья, взвыл дух нечистый, дернулся было в сторону священника, но отстранился, взмахнул крыльями, поднялся к куполу, затем к окну, с силой ударился в стену, потерял равновесие и едва не убился об пол, но схватился, вновь поднял свое черное косматое тело и стремительно вылетел в окно. Шумно задев о раму, протиснулся, и через секунду его не было.

Священник сидел несколько минут неподвижно, все еще двигая губами. Заметил, что не дышит, открыл рот и с силой вдохнул воздух, с сирым свистом. Он расправил легкие, и тут же закричал, что было силы. В ужасе, в бешенстве, в азарте...

– Аааааааа! – Вопил он не останавливаясь, пока глаза его, наконец, не распахнулись и он не увидел тихий свет, льющийся из окошка в ризнице. Он вновь вскрикнул, но уже ти-

ше, нервно осмотрелся. Дернулся вперед, кресло его больше не держало. Он вскочил на ноги, кинулся к сейфу, нервно открыл его, провел ладонью по лицу, посмотрел на совершенно мокрую ладонь. Открыл рот, тяжело надрывно задышал и кинулся к выходу. Едва выглянув из-за алтаря, увидел прислужницу. Кинулся в ее сторону, сжав кулаки, что-то хотел закричать, но получился лишь сдавленный вой. Женщина отшатнулась, перекрестилась.

Священник пролетел мимо ошарашенной женщины, остановился перед дверью, сначала очень осторожно коснулся ее, затем толкнул сильно, зло. Выскочил на улицу. Глянул в сторону подсобки, возле которой суетился кочегар, в беспомощной злобе священник погрозил в его сторону кулаком и неясно замычал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.